

ПРЕСТАВЛЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Стихира на хвалитех

Преподобне отче, измлада воздержанию прилежа, постигша, орган был еси святаго дъха. Тем и чюдес дарованна прием, человекн научил еси преобидети маловременна. ныне же неизреченным светом светле сиявши, просвети наша мысли ходатайством твоим, мѡдре Сергие.

Список с покровы 1-ой чет. XV в. мысли твоим посредничеством.

Перевод

Преподобный отец, ты был орудием Святого Духа, с младенчества соблюдая пост и усердствуя в воздержании. Потому и, приняв дар чудотворения, ты научил людей пренебрегать скоропреходящим. Сегодня же, мудрый Сергей, ярко сияя неизреченным светом, просвети наши

Вся жизнь построена как притча Господня, и всякая притча Господня – как жизнь. Если мы умели бы вглядываться в события нашей жизни, то мы не только жить научились бы, но научились бы понимать и пути Господни, и то, как войти в те сокровенные глубины, которые содержат в себе вечную жизнь.

Сегодняшний евангельский рассказ является жизнью: это событие из жизни Христа, из жизни Его учеников, из жизни нескольких десятков, а может быть и сотен людей, которые тогда были у берега моря Генисаретского (Лк. 6, 17 – 23). А вместе с тем, этот рассказ нам раскрывает какую-то правду и о путях духовной жизни.

Теснили Христа со всех сторон люди разные. Одни из них пришли с глубочайшими вопросами, искали вечной жизни, другие искали исцеления, некоторые хотели послушать пророка, иные хотели исследовать, кто Он... И Христос, теснимый со всех сторон, повелел Своим ученикам отвезти Его от берега подальше в лодке, так, что находясь вместе со Своими учениками на каком-то расстоянии от толпы, Он мог удобно говорить.

Здесь – первое, на что мне хочется обратить ваше внимание. Христос и теперь тесним: в нашей собственной душе Он тесним различными движениями души. То мы идём к Нему, зная, что только в Нем спасение, идём к Нему, потому что без Него жить нельзя, идём к Нему Одному, забывая себя, забывая всё вокруг. А потом (порой и одновременно) сомнение в нашей душе, и колебание и любопытство роятся, и толпятся помыслы и чувства, окружая Христа внутри души нашей, как та толпа окружала Его. И Христос от нас отходит куда-то в сторону с тем, чтобы говорить нам. Если мы действительно Его ученики, мы за Ним последуем, останется на берегу толпа различных побуждений, а со Христом поступит в глубину только самое подлинное, что в нас есть, – как тогда Спасительевы ученики поступили в глубину, последовали за Ним в лодку.

Теперь подумаем об этой глубине и об этой земле. Земля представляется нам чем-то самым верным, самым прочным, в ней мы уверены, она не поколеблется, она нам привычна, она нам родная. На ней мы чувствуем себя и хозяевами и в безопасности. А рядом волны: вся неуверенность, вся опасность, всё колебание. Так бывает и в нас самих. Ум представляется нам чем-то прочным, уверенным, неколеблющимся. <...> Но уйти в глубину нашего сердца нам бывает страшно, потому что уверенности и безопасности там нет. <...> Разверзаются в сердце такие страшные глубины, что мы рвемся обратно, в спокойную, твердую обеспеченность ума.

Вот образ, на котором хочется остановиться. Христос нас влечёт в ту область, где обеспеченности и уверенности нет, но где Он есть... А мы хотим остаться спокойно обеспеченными на земле, мы не согласны перейти через колебание морское, уйти к тем глубинам, где единственная надежда – Господь. <...> Если же мы уйдём туда, то через бурю, порой через неуверенность, через эту стихию <...> мы можем дойти до Господа, до вечной жизни.

Этим путём шли святые. Так шёл и преподобный Сергей Радонежский. От обеспеченности, от уверенности он ушёл в лес, где всё было неуверенность и опасность, где единственное, что у него было верное – это Господь. И там, на этой зыби он слушал слово Господне. И когда пришло время, Христос, как и ученикам Своим, сказал: «отплыви на глубину и закиньте сети свои» (Лк. 5, 4), – и он бросил невод, и собралось вокруг множество учеников. И тогда те люди, которые были на земле, которые не отчалили от обеспеченности и безопасности, вдруг увидели, что неуверенность с Богом плодотворней и богаче, чем земная уверенность без Него.

Тысячи людей с тех потянулись к Сергиеву монастырю. <...> Они действительно отошли от земли, потому что они выбрали неуверенность вместо обеспеченности и безбожия. <...> Последуем за ними ко Христу, <...> и нам будет дана та уверенность, о которой Господь сказал, что кто на Нем строит – строит на камне и не поколеблется вовек. Аминь.

Митрополит Сурожский Антоний

В этом мире каждый как путник пользуется землей, как гостиницей – единственное его богатство – это благочестие и добродетель, которое он возьмёт с собой. Св. Иоанн Златоуст

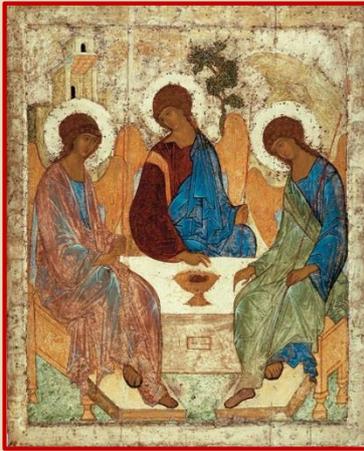
ЕДИНСТВО СВАТОЙ ТРОИЦЫ

Русская земля, веками жившая без просвещения, напоследок сподобилась той высоты Святого Просвещения, какое не было явлено в других странах, раньше принявших веру христианскую. Этой несравненной высоты Русь достигла благодаря подвигу преподобного Сергия Радонежского.

В ризнице Троицко-Сергиевской лавры есть шитое шелками изображение святого Сергия, которое нельзя видеть без глубокого волнения. Это – покров на раку преподобного, подаренный лавре великим князем Василием, сыном Дмитрия Донского, приблизительно в 1423 или в 1424 году. Первое, что поражает в этом изображении – захватывающая глубина и сила скорби: это – не личная или индивидуальная скорбь, а печаль обо всей земле русской, обездоленной, униженной и истерзанной татарами.

Что видел, что чувствовал святой Сергий, молившийся за Русь в своей лесной пустыне? Вблизи вой зверей да «стражи бесовские», а издали, из мест, населённых людьми, доносится стон и плач земли, подневольной татарам. Звери ходят стадами, и иногда ходят по два, по три, окружая святого и обнюхивая его. Люди беснуются; а бесы, описываемые в житии, до ужаса похожи на людей. Они являются к святому в виде беспорядочного сборища, как «стадо бесчислено», и разом кричат на разные голоса: «уйди, уйди из места сего! Чего ищешь в этой пустыне. Ужели ты не боишься умереть с голода, либо от зверей или от разбойников и душегубцев!» Но молитва, отгоняя бесов, укрощает хаос и, побеждая ад, восстанавливает на земле тот мир человека и твари, который предшествовал грехопадению. Из тех зверей один, медведь, взял в обычай приходить к преподобному. Увидел преподобный, что не злобы ради приходит к нему зверь, но чтобы получить что-либо из его пищи, и выносил ему кусок из своего хлеба, полагая его на пень или на колоду. А когда не хватало хлеба, голодали оба – и святой, и зверь; иногда же святой отдавал свой последний кусок и голодал, «чтобы не оскорбить зверя». Говоря об этом послушном отношении зверей к святому, ученик его Епифаний замечает: «и пусть никто этому не удивляется, зная наверно, что когда в каком человеке живёт Бог и почивает Дух Святой, то всё ему покорно, как и сначала первозданному Адаму, до преступления заповеди Божией, когда он также жил в пустыне, всё было покорно».

Казалось бы, что может быть общего между исторической обстановкой тогдашней и современной. «Пустыня», где жил святой Сергий, густо заселена; и не видно в ней ни зверей, ни бесов. Но присмотритесь внимательнее к окружающему, прислушайтесь к доносящимся до вас голосам: разве вы не слышите со всех сторон звериного, волчьего воя, и разве вы не наблюдаете ежечасно страж бесовских? В наши дни человек человеку стал волком. Опять, как и встарь, стадами бродят

по земле хищные звери, заходят и в мирские селения, и в святые обители, обнюхивая их и ища себе вкусную пищу. Хуже или лучше нам от того, что это – волки двуногие? Опять всюду стоны жертв грабителей и душегубцев. И опять, как в дни татарского погрома, среди ужасов вражеского нашествия со всех сторон несётся вопль отчаяния: спасите, родина погибает.

Вселенная, как мир всей твари, человечество, собранное вокруг Христа и Богоматери, тварь, собранная вокруг человека в надежде на восстановление нарушенного строя и лада, – вот та общая заветная мысль русского пустынножительства и русской

иконописи, которая противопоставляется и вою зверей, и стражам бесовским, и зверообразному человечеству.

Тожество той религиозной мысли, которая одинаково одушевляла и русских подвижников, и русских иконописцев того времени, обнаруживается в особенности в одном ярком примере. Это – престольная икона Троицкого собора Троицко-Сергиевской лавры – образ Живоначальной Троицы, написанной около 1408 года знаменитым Андреем Рублевым «на похвалу» преподобному Сергию, всего через семнадцать лет после его кончины, по приказанию ученика его – преподобного Никона. В иконе выражена основная мысль всего иноческого служения преподобного. О чём говорят эти грациозно склоненные книзу головы трёх ангелов и руки, посылающие благословение на землю? И отчего их как бы снисходящие к чему-то низлежащему любвеобильные взоры полны глубокой возвышенной печали! Глядя на них, становится очевидным, что они выражают слова первосвященнической молитвы Христовой, где мысль о Святой Троице сочетается с печалью о томлящихся внизу людях: «Я уже не в мире, но они в мире, а Я к Тебе иду, Отче Святой. Соблуди их во Имя Твоё, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы» (Ин. 17, 11). Это та самая мысль, которая руководила преподобным Сергием, когда он поставил собор Святой Троицы в лесной пустыне, где выли волки. Он молился, чтобы этот зверообразный, разделённый ненавистью мир преисполнился той любовью, которая царствует в предвечном совете Живоначальной Троицы.

В дни великой разрухи и опасности преподобный Сергий собрал Россию вокруг воздвигнутого им в пустыне собора Святой Троицы. В похвалу святому преподобному Андрей Рублев огненными штрихами начертал образ триединства, вокруг которого должна собраться и объединиться вселенная. С тех пор этот образ не переставал служить хоругвью, вокруг которой собирается Россия в дни великих потрясений и опасностей. Оно и понятно. От той розни, которая рвёт на части народное целое и грозит гибелью, спасает только та сила, которая звучит в молитвенном призыве: «да будут едино, как Мы едино» (Ин. 17, 22).

По книге Е.Н. Трубецкого «Три очерка о русской иконе»